

ТО ЛИ БЫЛЬ, ТО ЛИ НЕБЫЛЬ...

КАВКАЗСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

(ОТПУСКНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

Молодой человек выскочил на проспект Кирова. Часы на фасаде показывали полпятого, встреча в полпредстве затянулась. Он вынул бумажник и проверил, достаточно ли денег на таксомотор. Вложив купюру назад, рванул в сторону вокзала, где легче поймать машину, но наскочил на «качка» с плакатом в руках: «Сослан Темиров» и три восклицательных знака.

– Неужели вас послали за мной! – кричал Сослан на радостях, да так густо, что напугал лениво-вальжных курортников Пятигорска. – Какая неожиданность!

Культурист окинул взглядом:

– Ты Темиров? Не шутишь?

– Какие шутки, время на исходе, – оглушил обертонами представитель талантливой молодежи Северного Кавказа.

«Качок» бросил взор на запыстье, где удобно расположились огромные ВочСпорт с шагомером, и опять строго-подозрительно глянул сверху вниз. Сослан возмущился:

– Мне что, паспорт показать?!

На подростка с голосом Шаляпина заглядывались выходящие с совещания. Похоже на схватку Давида с Голиафом. Сослан, тем временем, открыл портфель, вытащил «бейджик» с фотографией. «Качок» флегматично посмотрел, развернулся и пошел прочь. Его непредсказуемое поведение ввело в ступор, парень в ладном костюмчике застыл с карточкой в руке.

– Прыгай! – услышал Сослан.

Культурист обернулся водителем видавшей виды «Ауди-100». Он отворил заднюю дверь и ждал. Иномарка, однако, произвела впечатление. «Ого! – думал Сослан. – Мой статус явно растет». Сначала лауреата конкурса Рахманинова пригласили в полпредство, теперь повезут в лимузине. «Статусный» с удовлетворением сел в мягкое кресло. Не зря вернулся на родину, помыкавший в провинциальных театрах центра России.

– Пожалуйста, побыстрее. Уже идет генеральный прогон, – ласково попросил он владельца «Ауди».

Тот снова повернул голову в удивлении и, не глядя на дорогу, стартовал автоматической коробкой в кавалькаду автомобилей.

Народ обсуждал перспективы Молодежного Форума «Машук», расходился. В сторонке группа мужчин обтирала что-то свое и громко смеялась. После братания от нее отделился плечистый спортсмен. Он обошел стоянку и озадаченно погладил бритый затылок.

– Здесь должна стоять «Ауди». Кто-нибудь видел? – спросил он ближнего водителя.

Вместо ответа тот показал на отчаливающие друг за другом разномастные тачки черного и другого цветов. Полное впечатление, что matka отправила из сот своих пчел в атаку – на поля клевера.

– Эй! – кричал спортсмен. – Где машина Темирова?!

– Сюда! – послышался голос справа.

На краю тротуара стояла «Лада», ее водитель махал вопрошающему рукой.

Спортсмен деловито подошел, открыл дверь, отодвинул до отказа переднее пассажирское кресло и снял ненавистные пиджак и галстук. «Бейджик» оставил болтаться. Осведомился:

– За полтора часа успеем?

– Да за сорок минут!

– Я подремлю, – сообщил спортсмен.

«Наверное, форсированный движок», – подумал он. Засыпая, мысленно посмеялся над деятелем, который перепутал «стоху» с отечественной «десяткой»...

Сослан погрузился в партитуру. Про себя, прикрыв глаза, повторял каватину Фигаро. Иномарка мягко стелилась по шоссе. До боли знакомый запах проник в салон. Взгляд за стекло зафиксировал Тамбуканское озеро.

– Куда это мы едем?

– Вообщето, в Нальчик на международный турнир по специальному приглашению, – ответил водитель.

«В который раз директор-распорядитель не удосужилась предупредить», – подумал пассажир, убаюканный кожей кресла, и принялся повторять слова Гимна России. Даже не расстроился, что опять первая партия уплыла из рук. Он достал телефон. Заряд заканчивался. Его хватило только на набор.

– «Алькатель» нечем зарядить?

– Таких не держим...

Стук «пальцев» «Лады» прекратился.

– Приехали!

Спортсмен удивился, что не выспался. Он всегда дремал в дороге, куда бы и на чем бы ни передвигался. Годы тренировок, поездок и состязаний. Задал полтора часа – через час двадцать глаза открывались сами. Замутненным взглядом он оглядел здание желтого кирпича.

Вошли внутрь. Толпы людей подавали бумажки и проходили через рамку металлоискателя.

– Ты кого привез?!!

Новиков Игорь Владимирович родился в Ленинграде. Закончил с отличием среднюю школу, затем Ленинградский институт авиационного приборостроения. После двух лет службы в Советской армии на офицерских должностях столько же проработал инженером спецконтроля в аэропорту Пулково. Принимал, обслуживал и отправлял в рейсы самолеты Ту-154 и Ил-86. Стал очевидцем последствий террористического акта семьи Овечкиных. Был направлен в Высшую школу КГБ СССР, где получил юридическое и специальное образование.

В службе по борьбе с терроризмом Ленинградского и Петербургского Управлений дослужился до должности старшего оперуполномоченного по особо важным делам и чина подполковника. После ухода в запас трудился экспертом и руководителем пилотных проектов в Центре стратегических разработок «Северо-Запад». Является автором нескольких НИР, послуживших основой для создания ныне действующей Национальной инновационной системы России. В настоящее время – политический аналитик, специалист в области информационных технологий, начальник отдела в Администрации Губернатора Санкт-Петербурга.

На литературном поприще с большим перерывом с 1983 года, когда в газетах Северо-Западного военного округа опубликовал несколько рассказов об армейской жизни. Основным хобби со школьных лет считал музыку. Принимал участие в деятельности первого Ленинградского рок-клуба. Композитор, аранжировщик студии эстрадного вокала «А-соль» (обладателя премии Президента РФ), автор песен и романсов на собственные тексты и стихи петербургских поэтов, кантаты «Ксилургийский скит» и рок-оратории «Сергий Радонежский» (либретто Е.В. Лукина), неоднократный лауреат, а также организатор, член жюри фестивалей авторской песни и литературного конкурса «Почему я люблю Россию».

Через музыку вернулся к литературе. В августе издательством «Родные просторы» издан его роман-хроника «Огненный Стоход» о событиях столетней давности, войне и революции. И. Новиков является автором ироничной «книжки для детей любого возраста» «Поплавок» и сборника рассказов под условным названием «То ли была – то ли небыль».

Возглас обдал ведром холодной воды. Напротив нарисовались высоченный мужчина и женщина средних лет. Казалось, не только волосы, все стояло у них дыбом. Мужик выругался и притянул спортсмена за «бейджик» ближе к глазам женщины. На нем значилось: «Сослан Темиров. Нальчик».

– Ка-а-кой ка-а-а-шма-а-а-аррр!!!
– Я что, в театр попал?! – взревел спортсмен.

– Тихо, тихо, – мужчина достал палочку и постучал ею по дереву.

– В куда-нибудь твое «тихо»? У меня ответственные соревнования в Нальчике. Международный турнир. Я чемпионский пояс потеряю.

– Ничего не случилось, Жанна, – глядя в глаза спортсмену проговорил дирижер. – Беги к Полторанину, скажи, что ему обломилось. Пусть гримируется в Фигаро.

– Как не случилось! Мне в восемь вечера надо быть на ковре!

– Между прочим, ты в Кисловодске. Так что извини, только вертоллетом успеешь. Не владеем, есть «Лада-десятка».

Чемпион повернулся к водителю:

– Я тебя сейчас запакую в твою «десятку», а потом сделаю из нее чемодан с ручкой!

– А я тебя уговаривал, что ли? – взвизнул обиженный водитель. – Ты сам кричал «Темиров». И сам залез!

– А где же наш Темиров? – спросила режиссер Жанна. – Телефон не отвечает, – и дала послушать женский голос о недоступности исполнителя главной роли.

– В Нальчике! – рыкнул догадавшийся чемпион.

Дирижера обуял гомерический хохот. Он заразил всех, даже зрителей в дверях. Представление начинается. Филармония имени Сафонова давала комедийную оперу «Севильский цирюльник»...

Приглашенный участник соревнований в наилегчайшем весе бродил по стадиону и пытался выяснить, где гримерная. На краю ковра его отловили водитель «Ауди», а также седовласый мужчина в спортивном костюме с карточкой «Тренер» и свистком на шее. Он взял в руку «бейджик», прочитал содержимое, потащил, как на привязи, в подтрибунное помещение.

– Парень, – сказал он наедине. – Я никак не думал, что выпускник института окажется таким идиотом. Ты извини, но придется выйти на ковер.

– Никаких проблем, – ответил Сослан. – Когда петь? Перед началом соревнований или перед награждением? И где. С трибуны или с центра ковра?

– И что ты петь собрался?

– Гимн России.

Тренер развернулся к железному шкафу и дважды врезался в него лбом:

– Петь не надо. Надо бороться. Неявка по неуважительной обрешит рейтинг Сослана Темирова.

– Вы с ума сошли?

– Похоже, все сошли с ума. Думаю, твои тоже бесятся.

– Ага! Особенно Полторанин на радостях...

– Сослан, я, вроде, тебя знаю.

– Ходил до музыкалки в вашу секцию.

– То есть, можешь бороться?

– Вы же знаете, что борьба в начальной школе – обязательный предмет.

– Надевай трико! По документам не подкапоешься. Заявим как нового... А отчество у тебя?

– Маковеч.

– Бывают же совпадения!

Сослан понял, что «попал». В Кисловодск успеет только к выходу «на комплимент». А родной город предать нельзя...

Темирова представили труппе. Половина охала, другая фыркала от смеха – предвкушала фарс из комедий. Сослан отчетливо увидел себя первый раз на ковре, с внезапным расстройством желудка. Лысенский граф Альмавива флегматично произнес:

– Можно добавить к декорации второй картины. Будет стоять как шкафчик – никто не заметит.

– А я и не собираюсь выходить на помост, – гавкнул ему спортсмен.

– Ты в опере когда-нибудь был?

– Не слышал ни одного звука!

– То-то и оно. В спектакле главное – мизансцена. У нас все рушится из-за... Поэтому что Фигаро другой. У нас нет теперь Базилио...

– Слушай, ты, Буратино! Я здесь ни при чем!

– Да, ни при чем... Мне рассказали, кто самовольно подменил Темирова, – наябедничал труппе актер.

– Пауза! – постучал дирижер палочкой. Режиссер с отрешенным взглядом гдала на цветах, пришитых к ее платью.

– Жанна! – взял бразды правления дирижер. – Игорь споет Базилио, а Леша капитана стражи во втором акте.

– Он тенор, – почти расплакалась режиссер.

– Ничего! Возьмет на октаву выше. Всего две фразы, отрепетируем в антракте. Теперь Сослан, – режиссер повернулся к спортсмену. Тот отшатнулся. – Ты когда-нибудь сдавал на допинг?

– Постоянно сдаю, – вздохнул Темиров. – Мне кажется, без комиссара ВАДА уже и помочиться не могу.

– Это будет твоя роль! – торжественно заключил дирижер. – Будешь сдавать допинг-пробу. И у нас освобождается большой, который войдет в основную массовку. Труппа облегченно зашумела.

– Вот тебе контрамарка, – сунул дирижер картонку чемпиону. – Садись в партер и смотри первый акт, привыкай.

– С чего это вдруг сразу в партер.

– У нас царской ложи нет. Как антракт – беги за кулису прямо из зала.

В филармонии дали третий звонок...

После контрольного взвешивания тренер смотрел на Сослана как на смертника. Он полагал, что вес паренька больше 60 килограмм. Не учел отсутствие мышечной массы и заявил 54 килограмма живого веса против соперника с 15-килограммовой форой.

Темиров жался в тени, облаченный в трико полного тезки. Низ шорт болтался

около колена, лямки завязали узлом на плечах, и все равно вырез приходился в район пупа, где просматривались белые слипы, а эмблема спортобщества расположилась просто неприлично. В борцовской позе зрители смогли бы заглянуть в вырез и лицезреть не только плавки, но и колени спортсмена. Сердобольный массажист терпел жалкое зрелище минут пятнадцать, потом стянул лямки лейкопластырем между лопатками.

До выхода на ковер оставалось два часа. Сослан обреченно считал секунды...

Опера набила зал курортниками до аншлага. Рядом с Темировым в седьмом ряду села парочка из культурной столицы. Чемпион успокоился, что эта часть зала не имеет ничего общего с низким партером греко-римской борьбы. Поначалу он подумал, что придется выглядывать лежа в какую-то щелку.

Раздались аплодисменты. Из котлована, куда посадили оркестр, появилась голова дирижера. Он положил локти на край и поклонился залу, насколько было возможно. Потом пропал. Потом Сослан увидел его плечи, затылок и поднятые руки.

Дирижер взмахнул палочкой и исчез, как утонул. «Бу-ууу», – затянул оркестр первый аккорд. Скрипки быстро-быстро заплетали узор из звуков, а дирижер постепенно появлялся, дергая руками в ритме мелодии. Потом снова нырнул. «Бу-ууу».

После четвертого нырка Сослан понял, что не так уж далеко театральная культура от спорта. Он знал эту оперу. Увертюра представляла собой попури из мелодий телевизионной рекламы. Сцена была занавешена, поэтому зал смотрел на дирижера, который исчезал в бассейне звуков, появлялся, махал одной рукой, другой, двумя, бросался вправо-влево, крутил палочкой и снова нырял. Сосед из культурной столицы хихикал под нос, на него шушукались сзади. Сослан понял, что выделял дирижер. Это был его любимый вид спорта после борьбы – синхронное плавание.

Увертюра подходила к концу, началась реклама крупнейшего российского банка. Дирижер быстро замахал, закивал «под воду» раз-два-раз-два, так продолжалось минуту, и в финале торжественно появился вслед за руками, будто его поднял партнер под водой. Сослан ожидал, что он подплывет кролем на край бассейна и вылезет. Но дирижер остался. Его наградили аплодисментами и гулом. Сосед охнул и смахнул слезу.

– Чья это музыка? – спросил его Сослан, пока открывался занавес.

– Джоакино Антонио из России, – ответил питерский знаток.

– У-гу. Не слышал в России такого. А дирижер что делал?

– Просто о-очень высокий попался. Ему бы станок пониже. Годится для комедии. Я – ржал!

Первую картину питерские зрители смотрели вытаращив глаза. Сослан уловил шепот и догадался: им претила современная постановка, вместо XV века дело было в начале двадцатого. Похожий на Чапаева

парикмахер, лысый граф-буржуй, тень то ли Зины, то ли Дрезины, в которую все влюбались... Темиров попросил программку: Дж. Россини, Фигаро, Бартоло, Альмавива, Розина... Фиг запомнишь. Сюжет вообще простецкий, типа Мухи-Цокотухи 16+. А на сцене таскали скрипку в человеческий рост и издавали разные витиеватые звуки. Граф мелко ржал как конь Буденного, не попадая в мелодию.

Когда в будуаре появилась Розина, Сослан понял, что у них с Альмавивой детей не будет. Какие 16 лет! Она годилась графу в матери. И если Лысый так падок на дам в менопаузе, значит, вообще что-то не то с его ориентацией. И голос соответствующий, и вид.

Но с Розиной все понятно. Та еще штучка. Что мужиков вообще не видела – вранье. Она манерничала как бывалая в черном кимоно и неумело крутила нунчаками. Только случайно не разбила ванну. Это было близко чемпиону. Удивлялась соседка. Потом перестала, когда увидела японца в кителе Стивена Сигала. Это и был наставник Розины дон Базилио. Из учителя музыки режиссер сделала сэнсэя. Жаль, не дали сыграть «шкафчик» – он бы им показал нунчаку-дзюцу...

В оргкомитете решили, что приглашение заслуженного мастера спорта на соревнования со сборов было их технической ошибкой, и лихорадочно меняли документы. На рейтинге чемпиона это не отражалось ни коим образом. В спортивном обществе появился второй Сослан Темиров. За пять минут до его выхода на ковер информация проникла в судейскую, где дежурил водитель «Ауди». После неприятного разговора с тренером он, скажем так, решил больше не нарываться.

Одновременно с появлением в рейтинге нового борца Темирова сердце одного уже выскочило из груди и прыгало в районе судейского стола. Там и осталось. Свисток, новичок вырвался из захвата и полминуты показывал чудеса акробатики, убегая от соперника. Судья остановил схватку, сделал замечание. Тренер выкрикнул:

– Будь мужчиной! Хоть очко вырви.

Сослан вспомнил Шарапову на Уимблдоне и согласно кивнул. Соперник подскочил. Темиров встретил его самой удобной нотой. Оглохший борец опешил, пропустил бросок в партер. Судьи посовещались и дали Темирову два очка...

Певица сняла бутафорские очки.

– Это Берта, – наставлял дирижер. – Она вытолкнет тебя на сцену с допинг-пробой. Надо найти офицера ВАДА. Его там нет. Будешь ходить, искать и всем предлагать. Когда подойдет солдат и наденет противогаз, сядешь на стул в полном расстройстве, что никому твоя моча не нужна. Вся роль! Справишься...

– Объявляю вам предупреждение за выход за пределы ковра, – сообщил рефери.

Счет был равным. Теперь соперник получил фору. Тренер сидел за матами погрузив лицо в ладони и не собиравшись поднять голову.

Сослан всосал воздух, дал себя обхватить. Потом выдохнул и выскользнул из захвата вниз, очутившись меж ног против-

ника. Тот отскочил и пошел на новый приступ. Темиров вторично ускользнул как налим в воду. На третий раз...

И на третий раз Берта удержала Темирова, рвавшегося на ковер больницы дон Бартоло:

– Рано еще!

Певцы ругались на оперном языке, медсестры склонились над трупом и показали всему залу белые кружевные панталоны...

От очередного захвата борец Темиров уйти не смог. Соперник рванул лейкоплатерь, трико свалилось до лодыжек. Сослан оттолкнулся и пропел:

– Кто может сравниться с Матильдой моей!

Визави озверел от издевательства. Его глаза налились кровью. Он атаковал. Сослан встал в борцовскую позу, показав в вырезе белые слипы и колени. Противник зацепился борцовкой, упал и разбил нос.

Объявили медицинский тайм-аут. В бешенстве соперник Сослана спрыгнул с ковра, подвернул ногу и снялся с поединка...

Берта сунула в руки Темирову судно. У того машинально возник позыв.

– Мне надо в туалет, – пожаловался исполнитель роли без слов.

– Иди за вторую кулису. Очень натурально получится! Куда пошел!!! Поздно.

«Большого» вытолкнули на сцену. Он побродил с отвлеченными мыслями по вакханалии, протягивая «утку». Как назло, не один, а все солдаты надели противогазы. С выпирающим из-под ночнушки торсом Сослан превратился в центральную фигуру действа. Вокруг реготал табун лошадей по мелодии, придуманной Россини. Зал бушевал. Темирова усадили, психбольница успокоилась.

В состоянии аффекта новоиспеченный актер продолжал сжимать за кулисами судно с допинг-пробой. Неожиданно аккорды фортепиано заставили его протянуть руку и повернуть к трупке удивленное лицо. Эту мелодию он узнал бы с двух нот, со вступления. Девушка брата готовилась к конкурсу, замучила репетициями.

– Это «Самотайм»? – спросил Сослан.

– Видишь, Жанна. Даже спортсмены понимают! – сказал японец и повернулся к Сослану: – Оказывается, Россини основоположник джаза, а Гершвин великий плагиатор...

Темиров в ушитом белыми нитками трико стоял на красной полосе и отказывался сойти на желтое, где ждал новый противник. Не находил силы переступить. Судья предупредил о дисквалификации. Зал свистел и улюлюкал.

В Кисловодской филармонии артисты в четвертый раз вышли к публике на овацию.

Сослан поднял голову, вздохнул и запел Гимн России. Со второй фразы свист прекратился, с каждым его шагом к центру ковра зал поднимался и подхватывал. Потом стадион обрушился аплодисментами.

Дисквалифицировать Темирова не решились.

